

Долгие годы мы были лишены возможности слушать музыку в исполнении Мстислава Ростроповича. А он шестнадцать лет не мог возвратиться на Родину. В прошлую пятницу, холодным сыпетным утром он ступил на перрон Московского вокзала. Мстислав Ростропович и Галина Вишневская должны были пробыть в Ленинграде два дня.

ЗАМЕТКИ МУЗЫКОВЕДА...

Концерты Мстислава Ростроповича и Национального симфонического оркестра США относятся к явлениям, не требующим рецензий с их неременной аналитической нотой. Это прежде всего события общественные, нравственные, этические. Массы людей, многие из которых вовсе непричастны к музыке, стремились попасть в Большой зал Филармонии, чтобы увидеть и услышать легендарного музыканта, ставшего символом гражданского бесстрашия, в самые тяжелые годы противопоставившего диктату свободу и боровшегося за нее и своим искусством, и общественными деяниями. Восхищенная выдающимся артистом, публика чувствовала мужество и непоколебимость. Это главное.

Смысл программы концертов был глубок и символический: она напоминала о самом дорогом и ценном в творческой биографии Ростроповича — его дружбе с великими композиторами-современниками Прокофьевым и Шостаковичем, его участии в их творчестве. Исполненные Пятая симфония Прокофьева и Восьмая симфония Шостаковича сопровождали Ростроповича все годы, олицетворяя и свет родной земли, и ее трагедию. Сочинение же американца Стивена Альберта «Речные воды», написанное по заказу Ростроповича, показывало, что он продолжает активно участвовать в развитии

не только современной виолончельной, но и симфонической музыки.

Концерт Дворжака — «визитная карточка» Ростроповича-виолончелиста. Он играет этот Концерт полвека, изучал его на родине Дворжака с замечательным чешским дирижером Вацлавом Талихом. Выраженная в Концерте, созданном Дворжаком на чужбине, тоска о Чехии близка Ростроповичу, много лет отторгнутому от Родины.

Как программа, так и само появление Ростроповича за дирижерским пультом тоже воспринималось символически. Если в недалеком прошлом славу Америки составили эмигранты «первой волны» Сергей Рахманинов, Владимир Горовиц, Александр Зилоти, то теперь оркестр, называющийся Национальный Вашингтонский, поднял на большую высоту недавний советский эмигрант, в то время как в отечественных оркестрах столь велика необходимость в руководителях, подобных Ростроповичу.

Мы привыкли к высокому уровню американских оркестров с их сочетанием точности и свободы музицирования, когда единство возникает из многих раскрепощенных индивидуальностей. Вашингтонский оркестр — не исключение: чувство артистической значимости каждого оркестранта здесь проявляется благодаря Ростроповичу, особенно органично.

но. Он за пультом не беспощадный руководитель, а первый среди равных, воздействующий на оркестр так, что интерпретация складывается в общем порыве. Такой подход определяет ведущую роль не жесты, а общего психологического посыла, эмоциональных токов, которые дирижер передает оркестрантам-соратникам. В сущности, Ростропович с его необыкновенным художественным чутьем выражает характерный для современной дирижерской культуры отход от приоритета мануальной техники: успех решает способность к оригинальной интерпретации, которую дирижер передает оркестру всей своей личностью. Таков осознанный принцип Ростроповича, о котором он сам говорит: «Если у тебя есть хорошие идеи и чувство стиля, ты можешь это передать не только обычной техникой. Для этого должно быть очень сильное чувство и сильное желание... Существуют также парансихологические, гипнотические эффекты... Если же нет своей концепции, какой бы техникой ты ни обладал, все равно ничего не передашь».

Нет сомнений, что Ростропович смог передать Вашингтонскому оркестру понимание современного русского симфонизма. Его отличие у Ростроповича — в максимальной мелодизации, эмоциональной насыщенности всей ткани; дирижер, находящийся в центре многих общественных событий как их активный участник, в сочинениях, которым около полвека, волнуется сегодняшними проблемами: жестокости, бездушия. Восьмая симфония Шостаковича звучит как предвидение: не только ужасы войны, а глобальная трагедия торжествующей античеловечности, в Пятой Прокофьева — голос надежды и веры, без которых жизнь невозможна. Обе симфонии были исполнены с личной болью и открытостью. Особенно ярко звучали группы духовых инструментов, а также виолончели, ориентирующиеся на стиль игры Ростроповича. Его дар виолончелиста, как показал Концерт Дворжака, не потускнел, а обрел новые оттенки.

Стало привычным, что вина перед великими художниками признается после их смерти. На этот раз полная реабили-

тация Ростроповича и Вишневской произошла, когда они полны энергии и умножили свой опыт многосторонней деятельностью в разных странах. Как и когда будет использован на родной земле талант музыканта, равного которому ныне нет в мире?

Начало обозначили краткие недельные гастрольные выступления Мстислав Леопольдович, «тугой узел развязан, у меня есть возможность говорить со своим народом». Все, кому дорого отечественное искусство, ждут продолжения разговора: за дирижерским пультом, с виолончелью, в педагогике, на общественной сцене.

С. ХЕНТОВА,
доктор искусствоведения,
профессор

...И НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

ОТКРЫТАЯ РЕПЕТИЦИЯ

Гроздьями свешиваются с хоров спрессованные у колонов бледные, словно узрели перед собой огненного ангела, слушатели... Спиной к залу — Ростропович. На выскоке табуретке, маленький, узкий, в жилетке. Он указывает оркестрантам, и те кто в нем, по-простому, повинуются ему, извлекают музыку.

А она, прохвывая душу до самых ее начал, поднимается к вершинам, где находится тот, кто знает все. И так высоко забираются звуки, что музыка может лишь исчезнуть, лишь

раствориться в раскрытых метафизических пространствах, превратиться в тишину между ударами сердца. И превращается, наполняясь холодным светом, в тишину одинокой хрипеловой струны. И тогда... Боже мой, зачем это? Откуда голос, разрушающий очарование и таинство, — слабый, обыденный и требовательный: «Вот так надо, по-пробуйте: ля-ля-ля-ля». Зачем он прервал музыку, зачем вернул оттуда?

Вдруг удар оглушающий, страшно низкий удар всего оркестра разом... Люди в тяжелых сапогах, неуклюжей одежде, с усталыми лицами с чрезвычайной жадностью слу-

шают эту жуткую музыку, сейчас избавившуюся от ненавистного голоса. Они поглощают звуки так, словно наступает последний миг их духовной жизни. Они слушают почти с остервенением, они борются за свою индивидуальность...

Вечером состоялся концерт.

КОНЦЕРТ

Вечер в лиловых фонарях. Неслышно подъезжают два шикарных правительственных ЗИЛа. Из первого выходит Ростропович. Вспыхивает ослепительный свет. И он — видение далекого мира — шагает стремительно, улыбается, приветственно машет, скрывается в дверях. Американские телевизионщики гасят лампы. Мокрая ночь. Барьеры. Милиция. Четырехкратная проверка билетов...

Все готово. Время начинать. Ждут его. Нарастающий гром аплодисментов. Выходит. Крики. Ему подносят цветы. Он кланяется. Еще, еще раз. Поворачивается черной фратной спиной к залу, оркестранты смотрят на его руки и... И звучат «Речные воды» Альберта. Музыка американская по духу, но широкая, просторная, захватывающая, близкая мироощущению русского...

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ МУЗЫКИ

ПУБЛИКА

Она была особенной. (На открытой репетиции народ собрался попроще). На концерты пришли знаменитости, поль-

зующиеся особыми, священными правами. Да и где же достать билеты на Ростроповича простому любителю музыки, хотя и понимающему в ней и любящему ее не меньше председателя райисполкома, академика живописи или юриста — народного депутата СССР? Им билеты пустяки, им — в первую очередь... Наблюдать наш высший свет — как они ходят, как ищут свое отражение в глазах других, как ощущают свое величие — было весьма любопытно.

КОНЦЕРТ

Потом исполнялась Восьмая симфония Шостаковича. Эта музыка, звучавшая на репетиции, повергла слушателей в глубокое созерцание своей души. Она напоминала о неизбежности смерти и утверждала бессмертие. Она являла скучное течение жизни и объясняла его скрытый смысл. Это было великое наслаждение и огромная мука.

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ МУЗЫКИ СПОНСОРЫ

Обещанная журналистам встреча с Ростроповичем не состоялась. (В Москве пресс-конференция была весьма длительной). Но журналисты равнялись к маэстро, телевизионщики просили сказать хотя бы одно слово ленинградцам. И, может быть, получили бы интервью, если бы не известие, что его покой охраняют американцы... Говорили, что все права закуплены ими. Вероятно, ком-

паниями, производящими мыло, — «Проктер энд Гэмбл», «Пепси-Кола» или «Арманд Хаммер фаундейшн» — спонсорами турне. Ну что ж, кто платит, тот и заказывает музыку!

Второе выступление Ростроповича состоялось в субботу.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

ПРОЩАНИЕ

Все было так же: давка, барьеры, проверка билетов... Он солировал в Концерте Дворжака — сочинении славянском — мягком, теплом и мощном... В антракте один знаток, позабыв про свою светскость, хватал знакомых за рукава, выкрикивая: «Вот как надо играть на виолончели!». И те согласно кивали ему головой, в восхищении закатывали глаза.

Он дирижировал Пятой симфонией Прокофьева и покорила всех ее необыкновенной красотой.

Ростроповичу и Национальному симфоническому оркестру США была устроена долгая овация. Он — туго затянутый в черный фрак — выходил, кланялся, прикладывал руку к сердцу. Они бисировали семь раз. Их не хотели отпускать...

Два дня в нашем городе звучала настоящая музыка. Ее исполняли американский оркестр и русский музыкант, когда-то изгнанный из своей страны. Музыкой они призывали к красоте и разуму. И мы откликнулись на этот призыв.

Вчера Мстислав Ростропович и Галина Вишневская улетели в Вашингтон, округ Колумбия, США.

Придут ли они когда-нибудь снова?

С. ШЕВЧУК